

RU

Восстание «отрядов в защиту мира и справедливости» (ихэтуаней)
в дневниках российских синологов

Захарова Н. В.

Аннотация. Цель исследования – определить отношение представителей разных социальных кругов российского общества, живших либо путешествовавших по Китаю в 1900-1908 гг., к восстанию ихэтуаней («отрядов в защиту мира и справедливости», боксерское восстание, 1900-1901 гг.). Ход восстания и его причины нашли отражение как в дневниках очевидцев (Д. М. Позднеев, В. В. Корсаков), так и в записях русских путешественников, побывавших в стране уже после его подавления (Н. В. Кравченко, В. М. Алексеев). Сотрудник пекинского отделения Русско-Китайского банка Д. М. Позднеев и врач русской дипломатической миссии В. В. Корсаков почти два месяца провели на территории осажденных восставшими ихэтуанями иностранных посольств и в своих дневниках ежедневно фиксировали происходящее. Художник Н. В. Кравченко и синолог, выпускник петербургского университета В. М. Алексеев побывали в Китае уже после завершения восстания, но также, как и очевидцы событий, стремились найти связь причин восстания ихэтуаней с религиозностью народных китайских масс. Научная новизна исследования заключается в том, что описание событий восстания ихэтуаней в дневниках и путевых записях российских синологов первого десятилетия XX в. впервые в российском Китаеведении становится объектом научного изучения. Полученные результаты показали, что авторы дневников попытались дать объективную оценку политическим событиям в Китае, апеллируя к различным факторам, в том числе и религиозным.

EN

The Yihetuan movement in the diaries of Russian Sinologists

N. V. Zakharova

Abstract. The aim of this research is to ascertain the attitudes of individuals from diverse social strata within Russian society, who either resided in or traveled through China during the period of 1900-1908, toward the Boxer Uprising (also known as the Yihetuan Movement, 1900-1901). The progression of the uprising, alongside its underlying causes, is documented in both the diaries of eyewitnesses (D. M. Pozdnev, V. V. Korsakov) and the accounts of Russian travelers who visited the country in the aftermath of its suppression (N. V. Kravchenko, V. M. Alekseev). D. M. Pozdnev, an employee of the Russo-Chinese Bank's Beijing branch, and V. V. Korsakov, a physician attached to the Russian diplomatic mission, spent nearly two months within the besieged foreign legations, meticulously recording daily occurrences in their diaries. The artist N. V. Kravchenko and the sinologist V. M. Alekseev, a graduate of St. Petersburg University, visited China after the conclusion of the uprising, but, like the eyewitnesses, sought to connect the uprising's origins to the religious beliefs of the Chinese populace. The novelty of this study lies in its initial exploration, within the field of Russian sinology, of the descriptions of the Boxer Uprising events in the diaries and travelogues of Russian sinologists from the first decade of the 20th century, thus becoming the object of scientific scrutiny. The results indicate that the authors of the diaries endeavored to provide an unbiased assessment of the political developments in China, referencing various factors, inclusive of religious influences.

Введение

В начале XX в. дневники и путевые записи, сделанные во время пребывания их авторов в Китае, оказались чрезвычайно востребованными российскими читателями. В эти годы было опубликовано несколько книг, принадлежащих авторам из разных социальных кругов: банковскому служащему, врачу российского посольства в Пекине, художнику, преподавателю Санкт-Петербургского университета. Актуальность исследовательской работы заключается в необходимости восполнения лакуны в изучении важной для изучения истории российско-китайских отношений темы: освещение событий восстания ихэтуаней в дневниках

российских граждан – очевидцев событий – и путевых записях путешественников, побывавшим в Китае уже после подавления восстания.

Для достижения цели исследования необходимо сосредоточиться на следующих задачах: во-первых, провести сравнительный анализ дневников и путевых записей представителей разных социальных кругов российского общества, живших либо путешествовавших по Китаю в 1900-1908 гг.; во-вторых, обозначить, что описание событий восстания ихэтуаней стало важной темой дневников и путевых записей исследуемого периода; в-третьих, соотнести оценочные характеристики изображаемого с социально-историческими и личностно-биографическими факторами авторов.

Ключевыми методами исследования стали: историко-литературный, благодаря которому были определены взгляды российских граждан на восстание ихэтуаней, зафиксированные в дневниках; типологический, позволяющий дать оценку записям, учитывая разную синологическую подготовку авторов; а также сравнительно-исторический, дающий возможность проследить трансформацию жанра путевых записей. Для обоснования выводов в статье применяется аналитическо-сопоставительный метод.

Материалом для исследования послужили следующие публикации:

- Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М.: Изд-во вост. лит., 1958.
- Корсаков В. В. Пекинские события: личные воспоминания участника об осаде в Пекине, май-август 1900 г. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901.
- Кравченко Н. В Китай! Путевые наброски художника. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904.
- Позднеев Д. 56 дней пекинского сидения, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. Рассказ очевидца. СПб.: Типография В. Ф. Киришбаума, 1901.
- Французские католические миссии в девятнадцатом столетии. Глава IV. Юго-Восточное Чжили. Подзаголовок «Последние события» // «Православный благовестник» / пер. с франц. Ю. Васильева. 1907. Вып. 7-8.

Теоретическую базу исследования составили труды по истории восстания «отрядов в защиту мира и справедливости», истории контактов Китая с зарубежными странами на рубеже XIX-XX вв., а также литературоведческие работы, предметом которых стало изучение тематики, стилистики и жанровых особенностей дневников и записей о путешествиях.

М. И. Сладковский (2002) в книге «Китай и Англия» подробно рассматривает причины политического и экономического кризиса, охватившего Китай на рубеже XIX-XX в. и ставшего причиной восстания ихэтуаней. Истокам и особенностям кризиса, давшего толчок народному восстанию, посвящена статья О. Е. Непомнина (2002).

В монографии «Христианство и китайская культура» А. В. Ломанов (2002) рассматривает историю взаимоотношений христианства и китайской цивилизации на протяжении более тысячелетия и объясняет, почему в начале XX в. китайцы вступили в борьбу против иноземной религии.

А. А. Майга (2014) в статье «Литературный травелог: специфика жанра» отмечает основные жанрообразующие черты травелога. Е. А. Стеценко (1999) исследовала генезис и жанровую эволюцию записей о путешествиях на примере американской литературы.

Практическая значимость работы заключается в том, что приведенный в статье анализ может быть использован при подготовке и чтении курса по истории Нового времени и истории литературы Китая, общих курсов по истории Нового времени стран Дальнего Востока и истории всемирной литературы.

Обсуждение и результаты

Восстание ихэтуаней – массовое вооружённое выступление крестьян и городских низов Восточного, Северного и Северо-Восточного Китая в 1899-1901 гг., направленное против иностранцев и китайцев, принявших христианство. За два с небольшим года вооружённых столкновений погибло несколько десятков иностранных граждан и несколько сотен китайцев. Основные причины восстания историки видят в том, что «динамичная европейская цивилизация несла модернизацию китайскому обществу и на этом пути она столкнулась с косным, застывшим “недвижным” колоссом – Китаем и той частью многомиллионного населения, которое в силу разных причин противилось вторжению иностранных цивилизаторов-европейцев» (Ушаков, Петрова, 2016, с. 20). Об этом же пишет и М. И. Сладковский в монографии «Китай и Англия»: «Причиной этого взрыва (восстания ихэтуаней. – Н. З.) послужило вторжение иностранного капитала во внутренние районы Китая, сопровождавшееся отчуждением иностранными концессионерами исконно крестьянских земель, разрушением храмов, кумирен <...>. Ненависть навлекали на себя и христианские миссионеры, представлявшие простому китайцу искушения, “заморскими дьяволами”, нарушителями веками устоявшейся конфуцианской ритуальности (2002, с. 120).

Трагические события, связанные с восстанием ихэтуаней (1900-1901 гг.), стали известны в России не только по газетным статьям, но, в первую очередь, благодаря книге Д. М. Позднеева «56 дней пекинского сидения, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. Рассказ очевидца» (1901), ставшей одной из первых российских книг XX в. о произошедшем в Пекине. Д. М. Позднеев (1865-1937 гг.), выпускник восточного факультета Петербургского университета (1898), знал китайский и японский языки, отличался трудолюбием и обладал обширными познаниями в сфере востоковедения, чем привлек внимание министра финансов С. Ю. Витте, который рекомендовал его на пост сотрудника пекинского отделения Русско-Китайского банка (Маранджян, 2012, с. 283). Во время восстания тайпинов (боксерского восстания 1898-1901 гг.)

Д. М. Позднеев вместе с женой и дочерью почти два месяца находился на территории английской миссии, окруженной восставшими китайцами. Свои записи о тех событиях он называет не дневником, а «рассказом очевидца», где «помещены все данные, которые ему удалось собрать в той или иной форме» (Позднеев, 1901, с. 2). Ценность этих записей определяется тем, что их составил китаист, лишенный предвзятости к происходящим событиям. В то же время он понимал, что в той ситуации, в которой он оказался, всем иностранцам, в том числе ему и его семье, угрожает смертельная опасность. Д. М. Позднеев вел дневник два месяца, не покидая английскую миссию, но получал данные о передвижении отрядов ихэтуаней. Записи датированы и отличаются скрупулезностью и точностью. В них присутствуют названия локусов не только Пекина, но и близлежащих городов и населенных пунктов, откуда к Пекину направлялись воинские подкрепления России, Англии и Франции для спасения осажденных в столице Китая иностранцев. Д. М. Позднеев старается сохранять объективность «очевидца», избегать эмоциональности, изображая злодеяния восставших. Именно кажущееся хладнокровие при описании ужасов происходящего помогают достичь той цели, к которой стремился автор, – заставить читателя почувствовать себя участником этих исторических событий.

Записи велись ежедневно, по одной схеме: дата и подробный рассказ о каждом дне, а иногда и ночи. Например: «10/23 июня. Суббота. Целую ночь стреляли без остановки со всех сторон. Пули свищут над головами и падают то там, то здесь в посольстве. Сегодня мы как-то чувствуем себя попривыкшими, и дамы ходят по различным делам вдоль и поперек миссии, не обращая внимания на музыку над головой. Окрестности миссии полны огня. Догорают остатки австрийского посольства, Imperial Bank of China и окружающих их зданий. Вероятно, горит или уже сгорела школа русского языка Китайской Восточной железной дороги» (Позднеев, 1901, с. 52).

В своем дневнике Д. М. Позднеев пишет не только о том, как шла оборона оказавшихся в окружении сотрудников миссий и их семей, но и о китайцах, принявших православие и находившихся вместе с европейцами. Его интересует поведение китайцев-христиан, стоящих перед выбором: помочь иностранцам, вместе с которыми они находятся в осажденном посольстве, и выполнить свою христианскую миссию или отказаться от помощи, зная, что рискуют и своей жизнью, и жизнью своих семей. Д. М. Позднеев в записи об отказе китайцев старается быть объективным: «Сегодня днем искали китайцев, желающих пронести письма навстречу нашим отрядам и принести нам от них вести. <...>. Желающих не находится, так как содержащая боксерами (отрядами ихэтуаней. – Н. З.) линия нашей осады слишком страшна и каждому китайцу, попавшемуся или заподозренному в сношениях с иностранцами, неминуемо предстоит смерть» (1901, с. 78-79). Он находит оправдание действиям китайских христиан-прозелитов, но к особенностям менталитета китайцев будет возвращаться.

Дневниковые записи Дмитрий Матвеевич вел в те несколько часов, что оставались между несением службы по охране посольства и участием по отражению атак ихэтуаней. Свои мысли о причинах и психологии как восставших китайцев, так и китайцев-христиан он запишет спустя несколько месяцев после того, как закончилось «сидение» в окруженном посольстве, и поместит в «Послесловии». Д. М. Позднеев вновь обращается к теме поведения китайцев-христиан, пытаясь понять причины, почему те присоединились к ихэтуаням: «Китайцы, обращенные в христианство, также дети государства, но со времени возникновения распри между ними и и-хэ-туаньцами они начали занимать деревни, рыть траншеи и возводить баррикады для оказания сопротивления правительственным отрядам. Такое поведение равносильно мятежу, и с лицами этими нужно поступать по всей строгости. Мы понимаем, что они действовали таким образом из-за страха наказания, и если они раскаются и изменят свое поведение, то цепь, в которой они запутались, для них будет открыта (чтобы они могли убежать)» (1901, с. 198).

Д. М. Позднеев, получившего синологическое образование, знавшего историю Поднебесной, в которой происходили многочисленные народные мятежи, волнует вопрос о причинах возникновения нового восстания, направленного не на свержение очередной династии, как это было неоднократно, а против иностранцев. Он считает, что причин две. Во-первых, это присущий китайцам мистицизм: «...самые нелепые и сумасбродные мистические учения, самые невозможные рассказы о чудесном воспринимаются невежественными народными массами с чрезвычайной легкостью. Можно даже сказать, что чем нелепее и неправдоподобнее выдумка и суеверие <...>, тем быстрее она прививается в народе и тем большее число сторонников она находит» (Позднеев, 1901, с. 148). Во-вторых – нелюбовь к иностранцам: «В движении и-хэ-туаньцев не проявилось никакой новой черты – это та же исконная ненависть, которой полна всегда душа всякого китайца и которая в данном случае нашла лишь себе проявление в страшных по интенсивности размерах» (Позднеев, 1901, с. 198). Д. М. Позднеев дает оценку поведению китайцев в экстремальных условиях, поэтому понятна резкость и порой предвзятость его оценок. Записи авторов дневников, сделанные через несколько лет после подавления восстания ихэтуаней, дают возможность читателям увидеть иные особенности менталитета китайцев.

Следует отметить, что китайские историки, исследуя причины восстания ихэтуаней, главной причиной также называют «нелюбовь к иностранцам», но пишут об этом более дипломатично: «Главной причиной, способствовавшей возникновению протестного движения, было господствовавшее среди иностранцев мнение, будто проживающие в Китае иностранные миссионеры, торговцы, дипломатические представители могут разрешать конфликты, возникающие с населением Китая, только с помощью оружия <...>» (范文澜 [Фань Вэньлань], 1953, с. 437).

Дневник В. В. Корсакова (1901), опубликованный почти одновременно с книгой Д. М. Позднеева, позволяет сравнить описание и оценку происходящего двух очевидцев. В. В. Корсаков (1854-1932 гг.) в 1895 году поступил на службу в Министерство иностранных дел, в последние годы XIX в. был направлен в Пекин в качестве врача русской дипломатической миссии.

В 1900 году во время восстания ихэтуаней он принимал участие в защите русского посольства, а также оказывал медицинскую помощь пострадавшим.

Книга «Пекинские события: Личные воспоминания участника об осаде в Пекине, май-авг. 1900 г.», опубликованная через год после «пекинского сидения», состоит из двух частей – «В ожидании событий» и «Наше сидение в русском посольстве». В первой части В. В. Корсаков, стараясь найти объяснение причин народного восстания ихэтуаней, обращается к истории развития отношений между Китаем и европейскими державами. Он пишет о проникновении португальцев и голландцев в южные провинции Китая, торговых контактах французов и англичан с китайцами, подробно рассказывает о жестокости опиумных войн, о многочисленных неудачных попытках европейцев установить дипломатические отношения с маньчжурским правительством, не желавшим открывать страну «заморским варварам».

Записи, вошедшие во вторую часть книги, во многом совпадают с описаниями в дневнике Д. М. Позднеева; оба автора скрупулезно фиксируют происходящее, схож и документальный стиль дневников. Так же, как и Д. М. Позднеева, В. В. Корсакова волнуют причины восстания. Немыслимую жестокость восставших В. В. Корсаков объясняет «озлоблением» доведенных до отчаяния китайцев: «Такого бессердечия, таких деревянных по чувству и мысли людей, каких я встречал в Пекине, я нигде в своей жизни не встречал. Надо ли после этого удивляться, что не только самый миролюбивый человек может дойти до озлобления, если его постоянно давят и несправедливо обижают, но и народ, доведенный до отчаяния, восстанет против своих притеснителей» (1901, с. 14). Мысль об «озлоблении» обычно нейтрально относящихся к иностранцам китайцев соотносится только с событиями, связанными с восстанием ихэтуаней, по мнению В. В. Корсакова, «озлобленность» не является одной из особенностей национального характера, проявилась только в экстремальной ситуации и была совершенно неожиданна для иностранцев: «“Пекинское сидение” было исключительным во всех отношениях: оно застало всех совершенно неподготовленными и не ожидавшими, что могут разыгаться с такою быстротою и с такою жестокостью события среди мирного населения, доведенного до озлобления и отчаяния» (1901, с. 13).

Спустя три года были опубликованы путевые записи художника Н. И. Кравченко (1867-1941 гг.), которые, в отличие от дневников Д. М. Позднеева и В. В. Корсакова, уже принадлежат к жанру травелога, т. е. описанию путешествия. В начале 1902 г. Н. И. Кравченко побывал в Маньчжурии и северном Китае, где он собирал материал для иллюстрирования похода российских войск, направленных в Китай в 1900-1901 гг. для подавления восстания ихэтуаней. Он побывал в Мукдене, Ляояне, Порт-Артуре, Тяньцзине, Пекине, других городах Поднебесной. Все его впечатления из этой поездки собраны в иллюстрированной им же книге: «В Китае» (1904).

В мае 1902 г., через год после завершения восстания ихэтуаней, Н. И. Кравченко приехал в Пекин. Художник вошел в состав свиты великого князя Кирилла Владимировича, совершавшего визит в Пекин. Власти Поднебесной уделяли большое внимание этому визиту (公孙. 故宫发现中俄清末交流重要古籍 – «东游记» (Гун Сюнь. В музее Гугун обнаружен важный документ о китайско-российских контактах конца правления династии Цинь – «Записи о путешествии на Восток»). 26.10.2016. https://www.sohu.com/a/117207836_426335). Вместе со свитой великого князя Н. И. Кравченко осматривал достопримечательности столицы – Храм Неба, Храм Конфуция, тибетский буддийский храм Юнхэгун, Летний дворец императрицы Цыси. Посещение главных храмовых центров столицы, связанных с тремя религиозными культами – даосизмом, конфуцианством и буддизмом, – обычно было обязательным пунктом культурной программы официальных визитов на высоком уровне и должно было продемонстрировать единство всех трех верований китайского народа и отсутствие религиозного фанатизма.

После окончания официально визита великого князя Кирилла Владимировича Н. И. Кравченко прожил месяц в Пекине и достаточно близко познакомился с жизнью столицы. Его записи носят преимущественно описательный характер. Он не имел синологической подготовки, оценивал увиденное как человек с высоким художественным вкусом и не скрывал своего изумления талантами китайцев. «Прежде всего, – писал Н. И. Кравченко, – здесь поражает та серьезная любовь к искусству, которая видна в каждом китайском изделии и очевидно составляет для него одну из самых серьезных потребностей. Все, что хотите, – все носит печать этой любви. На лотках, например, продаются всякие жареные в масле пирожные, печенье и проч. – они всегда красивой витиеватой формы, со вкусом расставлены и выглядят чрезвычайно аппетитно; уличный разносчик, таскающий на коромысле весь свой походный ресторан с разными блюдами и целыми горами посуды, так красиво кладет пищу в чашки и посыпают ее всякими разноцветными приправами, как едва ли сумеют сделать многие из французско-поваров» (1904, с. 64).

Н. И. Кравченко побывал в Пекине через год после подавления восстания ихэтуаней и «сидения» Д. М. Позднеева и В. В. Корсакова в окруженном посольском квартале. Его не могли не волновать причины, побудившие простых китайцев проявить неоправданную жестокость по отношению к иностранцам. В отличие от Д. М. Позднеева, который видит причину жестокости китайцев в их невежестве и склонности к мистическим верованиям, Н. И. Кравченко, подобно В. В. Корсакову, обвиняет в происшедшем европейцев: «Как могут китайцы симпатизировать европейской цивилизации, когда лица, носящие ее, показывают им наглядную ее неприглядность? Как могут китайцы примириться с европейцами, полюбить их, когда эти самые господа держат себя немногим лучше, чем рабовладельцы в Африке, и даже здесь, в Пекине, в китайской столице. Европейец с хлыстом, с кнутом, с нагайкой, с палкой – вот какими сплошь и рядом видишь в Пекине и просвещенных, и непросвещенных мореплавателей, офицеров, солдат и чиновников различных мастей» (1904, с. 65).

События 1900-1901 гг. не утратили своей актуальности и спустя восемь лет. Журнал «Православный благовестник», печатный орган Православной миссии в Пекине, в нескольких номерах за 1907 год поместил в переводе на русский язык материалы о деятельности французских миссионеров на территории Китая.

В главе IV «Юго-Восточное Чжили», подзаголовок «Последние события», представлено описание восстания ихэтуаней: «Наступил апрель месяц 1900 г. Движение, начавшееся с Шаньдуна и поднимавшееся к Пекину, мгновенно охватило всю провинцию Чжили с юга до севера. Китайские чиновники, оказывавшиеся сначала слабое сопротивление, отказываются вскоре от всяких попыток прекратить движение, а регулярные войска, посланные для виду усмирить мятежников, поступают заодно с боксерами. Всюду ужас. Всех китайцев христиан принуждают отречься от их религии; если они отказываются, что, слава Богу, все имели смелость сделать, их подвергают самым ужасным пыткам и убивают» (Французские католические миссии..., 1907, с. 12). Следует отметить, что журнал «Православный благовестник» стал размещать воспоминания об ужасах восстания ихэтуаней в связи с гибелью православных христиан-китайцев только спустя несколько лет после происшедших событий. О подробностях восстания ихэтуаней, опубликованных в журнале «Православный благовестник», пишет Л. А. Афонина (2017). Возможно, это было связано с тем, что с 1907 г. по 1917 г. редактором журнала был архимандрит Авраамий (В. В. Часовников, 1864-1918), проводивший осторожную издательскую политику. Только в 1904 г. был опубликован список погибших православных китайцев-христиан. Подробности зверского уничтожения христиан ихэтуанями стали известны из «Сказания о мучениках Китайской православной церкви, пострадавших в Пекине в 1900 г.», принадлежащего архимандриту Авраамии, только в 1917 г. (Афонина, 2017).

Спустя семь лет после подавления восстания поездку по Китаю совершил В. М. Алексеев. Он участвовал в научной экспедиции по Северо-Восточному Китаю. В поездке В. М. Алексеев собирал фольклорный материал и в дневнике подробно фиксировал все этапы путешествия, дополняя подробное описание увиденного своими характеристиками «театра, музыки, литературы, философских течений (конфуцианство, даосизм), религиозных культов и верований» (1958, с. 8). Травелог был опубликован спустя более полувека, в 1958 г., уже после смерти В. М. Алексеева.

Принципиальное различие между текстами В. М. Алексеева и авторов других травелогов (например, Н. И. Кравченко) заключается в том, что ко времени написания дневника Алексеев почти год основательно изучал язык и культуру китайцев, общался с местными жителями, как бедняками (возчики, лодочники, слуги, копировщики древних надписей на камнях), так и представителями власти (*чжисянь* – начальник уезда).

В. М. Алексеев в своем дневнике пишет о «простом и искреннем радушии, которое неизменно трогает и восхищает» его и опровергает рассказы о лютой ненависти китайцев к европейцам (1958, с. 93). Однако из небольших реплик следует, что нелюбовь к иностранцам осталась. Об этом свидетельствует следующая запись: «Любезный даосский настоятель отводит нам уютную келью, с окном-панорамой на горы. То, что келья храма-монастыря превращается, таким образом, в номер гостиницы, и в ней останавливаются к тому же иностранцы, которых, надо сказать, никто в свой семейный дом не примет, никого не смущает и профанацией божьего храма отнюдь не считается» (Алексеев, 1958, с. 115). В то же время, он подчеркивает приветливость китайцев: «Китай – страна вежливости и, даже более того, – страна приветов. <...> в путешествии я на каждом шагу отмечаю исключительную приветливость населения. Заходим ли мы в храм, или в школу, или в лавку – нас прежде всего усаживают на почетное место, угощают чаем, расспрашивают, интересуются, не скупясь на комплименты, и манеры у всех строго почтительны» (Алексеев, 1958, с. 108).

Описание храмов и кумирен занимает ведущее место в дневнике В. М. Алексеева, однако отнюдь не означает увлечения китайскими религиями. Он, изучая мировоззрение и психологию китайцев, понимает, что им не свойственна та религиозность, которой отличаются некоторые европейцы. Вот что он пишет после посещения храма Гуаньди мяо: «Народ не разбирается в генезисах тех духов и святых, которым молится. Он рассматривает их как незримых чиновников, имеющих власть над душой и судьбой человека точно так же, как зримый глазу китайский чиновник распоряжается в своей сатрапии с безответным населением, и поэтому ищет заступничества самых разнообразных духов» (Алексеев, 1958, с. 50).

Вопрос глубины религиозности китайцев, интересующий авторов всех исследуемых источников, был предметом научных изысканий и В. М. Алексеева, продолженных им также по возвращении в Россию. В. М. Алексеева волновал вопрос: почему в Китае – стране, где на протяжении двух тысячелетий мирно сосуществовали две национальные религии (даосизм и конфуцианство) и иноземная (буддизм) – неприятие христианства приобрело форму вооруженного восстания. Причину он видит в поведении миссионеров: «Нескрываемое пренебрежение к национальной китайской религии и замена ее чуждым, неусваиваемым диким дурманом церковного христианства не могут не вызвать протеста» (Алексеев, 1958, с. 167).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. События, связанные с восстанием крестьянских и городских слоев беднейшего населения Китая, а также его причины, стали одной из главных тем дневников российских граждан – Д. М. Позднеева, сотрудника Русско-Китайского банка, и В. В. Корсакова, врача посольства, – оказавшихся очевидцами осады иностранного квартала восставшими, а также авторов травелогов – художника Н. И. Кравченко и стажера-китаиста В. М. Алексеева, посетивших Китай уже после подавления восстания. Авторы всех привлеченных источников попытались дать объективную оценку восстания ихэтуаней, апеллируя к различным факторам, но считали главными причинами народных беспорядков презрительное отношение иностранцев к местному населению, а также отсутствие религиозной толерантности китайцев.

В результате доказано, что записи очевидцев восстания и дневников путешественников разнятся по содержанию и стилю текстов. Д. М. Позднеев дает оценку поведению китайцев в экстремальных условиях,

поэтому понятна резкость и порой предвзятость его оценок, записи В. В. Корсакова носят более объективный характер, отражая дипломатический статус их автора, сотрудника посольства. Тексты дневника Н. И. Кравченко можно характеризовать как описательные. Их автор не имел синологической подготовки, но оценивал увиденное как человек с высоким художественным вкусом и не скрывал своего изумления талантами китайцев. Дневник В. М. Алексеева с полным правом можно назвать научным травелогом, в котором Василий Михайлович сосредоточен на скрупулезном описании культуры, литературы, театрального искусства и философских взглядов. Он подчеркивает миролюбивый характер простых китайцев, но неоднократно отмечает их настроенное отношение к иностранцам как результат событий начала века.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении истории взаимоотношений России и Китая в конце XIX – начале XX в. с привлечением материалов как на русском, так и на английском и китайском языках.

Источники | References

1. Афонина Л. А. Китайские православные мученики 1900 г.: анализ исторических источников и церковное почитание // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47. № 2.
2. Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.
3. Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37).
4. Маранджян К. Г. Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865-1937): к портрету «культурного бродяги» // Письменные памятники Востока. 2012. № 2.
5. Непомнин О. Е. Кризис китайского общества начала XX в.: истоки и особенности // Общество и государство в Китае. 32-я научная конференция / сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.
6. Сладковский М. И. Китай и Англия. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.
7. Стеценко Е. А. История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII-XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1999.
8. Ушаков В. А., Петрова А. А. Восстание ихэтуаней в Китае в отображении иностранных наблюдателей // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4.
9. 范文澜. 中国近代史. 北京: 北京人民出版社, 1953 年 (Фань Вэньлань. История Китая Нового времени. Пекин: Издательство Бэйцзин жэньминь чубаньшэ, 1953).

Информация об авторах | Author information

Захарова Наталья Владимировна¹, д. филол. н.

¹ Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Natalya Vladimirovna Zakharova¹, Dr

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ radaeva2002@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.03.2025; опубликовано online (published online): 17.04.2025.

Ключевые слова (keywords): Китай в начале XX века; восстание ихэтуаней; дневники очевидцев и путешественников; иностранные посольства; религиозность народных масс; early 20th-century China; Boxer Uprising (Yihetuan Movement); eyewitness and traveler diaries; foreign legations; religious beliefs of the populace.